

РУССКИЕ НОВОСТИ

№ 43

8 MARS 1946

Les Nouvelles Russes

ВЫХОДИТ ПО ПЯТНИЦАМ

Tous les vendredis

PRIX DU NUMERO

7 frs

РЕДАКТОР А. Ф. СТУПНИЦКИЙ

Адрес Редакция и Канторы : 203, rue St Honoré — PARIS I. ТЭЛ.: OPERA 01-93

Rédacteur en chef A. Stoupnitzky

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

СКОРБНУЮ весть передало на-днях московское радио: умер Иван Михайлович Москвин. Еще одной могилкой больше на Новодевичьем монастырском кладбище. Прах его будет, наверное, похоронен рядом с останками тех, с которыми почти полвека протекала его блестящая артистическая деятельность: рядом с могилами Станиславского и Немировича-Данченко. Никто из них не дожился до пятидесятилетия (которое должно исполниться через два года) создания Художественного Театра.

Ровно сорок восемь лет тому назад Станиславский вместе с Немировичем-Данченко открыли свой театр пьесой Алексея Толстого "Царь Федор Иоаннович", с Москвиным в заглавной роли. Первоначальная работа будущего Художественного Театра протекала около дачной местности Душкино в каком-то сарае. Главная работа с Москвиным происходила в сторожке. Москвин проходил свою роль с Владимиром Ивановичем Немировичем - Данченко, — с тем самым Немировичем - Данченко, у которого он, еще будучи юношей, экзаменовался, желая посвятить себя театральному искусству, и который, заметив его внешние данные, отсоветовал поступать на сцену! "С вашими данными вы ничего не добьетесь в театре". Внешность Москвина была, действительно, неказиста. Небольшого роста, с чисто русским крестьянским лицом, с широким коротким носом, на котором едва могло удержаться пенсне, с серыми, маленькими, с чисто русской хитрецой в них, глазами, он не походил на актера. Впоследствии Москвин стал самым ценным, самым любимым актером Немировича - Данченко. Они были очень дружны и были на "ты".

После "Царя Федора", Москвин создал роли Луки в "На дне", штабс-капитана Снеги-

рева в "Братьях Карамазовых", Онискина в "Селе Степанчикове", Пазухина в "Смерти Пазухина", Епиходова в "Вишневом Саде".

По поводу Епиходова следует рассказать следующий любопытный эпизод:

Чеховский Епиходов имел совсем не тот облик, что Епиходов Москвина. У Чехова он был пожилым, отяжелевшим человеком и не таким смешным, как у Москвина. Когда Москвин получил эту роль, он был молод, худ. Применяя роль к своим внешним данным, он и внутренне сделал его другим, вложил много комического элемента. В театре боялись, что Чехов останется недовольным, когда увидит на репетиции москвинского Епиходова. Но Чехов много смеялся и по окончании репетиции обратился к Москвину:

— Я же именно такого и хотел написать. Это — чудесно, послушайте!

Художественная жизнь Москвина была очень богата, но не менее богата она была и вне театра. Он был всегда желанным гостем во всех московских домах, душою преданных Художественному Театру. Москвин гордился своим театром. Каждая новая постановка была событием в Москве: ее ждали, и ее переживали. Что покажет на сей раз театр?

Помню, с каким особенным нетерпением ждали в Москве премьеру "Села Степанчикового", главным образом, потому, что Иван Михайлович играл в ней роль Фомы Онискина. Говорили о том, что театр всегда остается актуальным, всегда отражает текущий момент. В Фоме Онискине на сей раз видели фигуру Распутина, имя которого в то время не сходило с уст. Не зря, имел ли в виду Станиславский, ставивший пьесу и сам в ней игравший, что роль отставного полковника будет воспринята публикой, как образ Николая II.

(Продолжение см. 7-ую стр.).

МОСКВИН

(Нач. см. 4-ую стр.)

Фому Опискина будут, конечно, рассматривать, как Распутина; во всяком случае, сходство было огромное. Произошел даже трагический эпизод. На одном из спектаклей, в сцене, когда Фома требует от полковника, чтобы тот величал его "Вашим Превосходительством" и когда, после долгого колебания и нежелания произнести эти слова, полковник, в конце концов, становится на колени перед Фомой Опискиным - Распутиным и произносит требуемую формулу — какой-то молодой офицер, только что приехавший с фронта (где влияние Распутина на двор ощущалось сильнее, нежели в тылу), был так потрясен талантливой игрой Москвина, что выхватил револьвер и застрелился тут-же, в театре. Помню, какое тяжелое впечатление произвел на всех нас этот трагический случай. Газеты замолчали его, так как это грозило снятием пьесы с репертуара. Москвин играл эту сцену так искренно, захватываяще и правдиво подло, что вызывал в публике ярость, ненависть и негодование...

Сила его таланта была огромна. Он одинаково улавливал в ролях и доброе (Царь Феодор), и злое начало (Опискин). Москвин — единственный из актеров, который мог удовлетворить даже Толстого, когда читал ему рассказы Чехова. Толстой был удивлен его простотой, его неподдельной мужицкой речью. Мне часто приходилось с ним выступать в чеховской миниатюре, которую теперь затрепали до отчаянья, в "Злоумышленнике". Я играл следователя, а он, конечно, злоумышленника. Никакой нет возможности передать словами, как он исполнял эту роль: тут была и тупость, и жалость, и непонимание, что вокруг него творится. Это было восхитительно, незабываемо.

Талант Москвина был чисто русского склада — он шел от М. С. Щепкина. Ничего европейского в нем не было: поэтому он и производил такое огромное впечатление на европейцев и американцев. Помню, с каким восторгом отзывались о нем иностранные актеры, иностранные журналисты. Его "Поллиушка" (в синема) и "Почтмейстер" ("Станционный смотритель") признавались иностранной прессой, как высокие достижения фильмового искусства.

Мы были с ним очень дружны: он часто жил у меня по неделям. Я сам жил недалеко от театра, и ему было сподручнее в моем доме. Я укладывал его спать в моей библиотечной комнате, сплошь уставленной книгами. Тут, на широком диване, стоявшем в углу под киотом, заставленном образами, чувствовал он себя хорошо, уютно. Он называл это "пожить в монастыре", а меня прозвал "трубадур души моей". Мы часто пели с ним под гитару цыганские песни. Он был очень музыкален — любил серьезную музыку, церковные песнопения, а пуще всего русскую народную песню. Любил цыган до страсти, что должно быть и послужило причиной тому, что ему дали роль Федора Протасова в "Живом Трупe".

Часто заезживал ко мне Федор Шаляпин — и надо было видеть их вместе! Оба обожали друг друга. Оба остроумные, оба от народа; от самых корней его. Они часто разыгрывали шуточные скетчи в стиле Комедии дель Арте, полные блеска и восхитительной прелести.

Однажды, возвращаясь с Шаляпиным после какой-то вечеринки, где было очень весело и шумно, они стали на улице выделять друг перед другом "коленца"; присутствовавшие помирали от хохота. Но Москвин всегда крыл Шаляпина. Шаляпин начинал сам хохотать и кричал:

— Довольно! Довольно! Ну, тебя к черту, не могу больше...

Потом он пошел ночевать ко мне. Было снежное, морозное утро. Снег скрипел под ногами и лежал на крышах розовыми пластами. Москва спала в нетопленных домах. Вдруг Москвин остановился и закричал на всю улицу:

— Я ведь Илья Муромец! Я богатырь! Ведь я не чувствую никакой усталости! Вот уже три ночи кряду я не сплю, а усталости никакой не чувствую.

Он был, действительно, неутомим, мог не спать целую неделю, и часто совсем уже на заре, когда синело на дворе утро, я брал гитару и начиналось пение — то в одиночку, то вдвоем. Потом он пил чай с филипповскими калачами и шел на репетицию, как ни в чем не бывало.

Очевидно, дух человеческий не знает усталости.
Григорий Хмара.